А. М. ПАНЧЕНКО

О русском литературном быте рубежа XVII—XVIII вв.

Для XVII в., как эпохи переходной, трудно выделить преобладающее литературное течение или жанровую группу. В эту пору сосуществовало несколько литературных потоков, которые соприкасались лишь изредка. Культурная многослойность определяла и различные писательские типы. Я хочу сказать о том из них, который оказался перспективным и, претерпев изменения, порою принципиальные, сохранил господствующее положение и в XVIII в. Это тип поэта-профессионала, репрезентированный Симеоном Полоцким, затем Сильвестром Медведевым, Карионом Истоминым, Мардарием Хониковым, Дмитрием Ростовским, новгородским митрополитом Иовом, макарьевским архимандритом Тихоном, Стефаном Яворским, отчасти Андреем Белобоцким, Федором Поликарповым и братьями Денисовыми.

Никогда прежде в русской культурной жизни не являлась группа интеллигенции, связанная столь тесными личными отношениями. Медведев был любимым учеником, душеприказчиком и наследником Симеона, жил с ним в ближайшем соседстве в Заиконоспасском монастыре, редактировал его сочинения. Карион, бывший с Медведевым в свойстве, его соавтор по известным «Запискам о стрелецком бунте», поддерживал неизменно дружеские отношения с Дмитрием Ростовским и Стефаном Яворским, вместе с Медведевым, Мардарием Хониковым и Поликарповым служил в Книжной справе московского Печатного двора.

В бурную эпоху стрелецких мятежей, антагонизма между Софьей и Нарышкиными, брожения и бунтов при Петре I людям трудно было остаться нейтральными. Медведев, земляк и приятель Ф. Л. Шакловитого, фактотум Софьи и В. В. Голицына, сложил голову на плахе. «Пестрый» Карион за связи с партией Милославских тоже мог угодить в 1689 г. в Троице-Сергиеву лавру, где Борис Голицын, Лев Нарышкин и Тихон Стрешнев чинили розыск. Он спасся только потому, что был близок к патриарху Иоакиму, еще раньше доносил ему на «дядюшку Селиверста», а во время розыска прямо его предал. Сам Медведев, впрочем, восемью годами ранее в своем доносе на Андрея Белобоцкого, поданном через Павла Негребецкого, обвинял в еретичестве и требовал сурово покарать этого поляка (он приехал в Россию в феврале 1681 г.), своего конкурента по руководству академией, которую собирались создать в Москве и которая в конце концов оказалась в руках братьев Лихудов.

Высшему иерарху русской церкви Стефану Яворскому, произнесшему 17 марта 1712 г. поучение «О хранении заповедей господних», в котором царевич Алексей объявлялся «единой надеждой» России, Петр I на три года запретил публичную проповедь. За несколько месяцев до смерти, ле-